

Открытым текстом

Рудольф Роккер

1949-1953

Оглавление

О некоем кризисе в нашем движении	3
Люди и идеи	6
Что такое ревизионизм?	9

О некоем кризисе в нашем движении

В нескольких статьях, которые были опубликованы в течение последних девяти месяцев в «Freie Arbeiter-Stimme» и журналах на других языках, я попытался объяснить важнейшие проблемы нашего времени, которые были порождены двумя мировыми войнами и создали новый порядок в мире, с которым завершился определённый период истории. Понятно, что события такой огромнейшей значимости должны заставить задуматься представителей всех общественно-философских течений, тем более, что они одинаково касаются всех стран и народов и могут быть решены только посредством взаимного соглашения, выходящего далеко за пределы влияния старых национальных государств.

И в наших рядах новые проблемы, навязанные нам временем и полнейшим изменением мирового порядка, тоже рассматриваются, хотя и не в том масштабе, в каком этого стоило бы ожидать. Всё же сегодня нет ни одной страны, где известные товарищи, десятилетиями посвящавшие свои силы либертарному движению, не поняли бы, что нам нужны новые средства и новые цели, чтобы совладать с новыми условиями, в которых мы оказались, и которые повсюду разрослись до угрозы для всех достижений человеческой культуры.

Тем более странным кажется мне, что эти попытки обдумать новое положение привели к тому, что на протяжении месяцев в свободных газетах и журналах на различных языках возникла дискуссия о некоем кризисе анархизма. В этих спорах настоящие проблемы, с которыми нам сегодня приходится считаться, едва упоминаются, так что можно подумать, что их вообще не существует и мы имеем дело лишь с кризисом либертарного движения. Некоторые товарищи, однако, утверждают, что речь идёт не о кризисе анархизма как идеи, но, более того, о кризисе анархистов. Некоторых это может утешить, но я не думаю, что это поможет действительно решить проблему.

Я занят в настоящее время написанием книги, которая, кроме важнейших проблем нашего времени, посвящена и определённым убеждениям и методам нашего движения, которые 50 или 60 лет назад обладали годностью и в этой годности многие из нас были убеждены, но которые сегодня по причине проделанного опыта устарели, т.к. утратили всякую убедительность. Но т.к. ещё должно пройти некоторое время, пока моя книга выйдет в свет, я считаю нужным высказать своё мнение по некоторым важнейшим вопросам в этой области уже сейчас, что и происходит. Но прежде, чем я начну, необходимо договориться об определённых понятиях, чтобы избежать недопонимания, которое лишь помешает дискуссии по вопросу.

Я считаю, что говорить о кризисе анархизма вообще не имеет смысла, т.к. это подозрительное слово «кризис» тут подходит, как собаке пятая нога. Всякое общественное движение способно к развитию только тогда, когда оно постоянно оживляется новыми мыслями и убеждениями. Если этого не происходит, то оно всё больше и больше оказывается в состоянии умственной стагнации и застывает в доктринерских понятиях, которые всегда являются самым большим препятствием для всякого свободного мышления.

Что мы понимаем под кризисом? Кризис — это состояние, в котором нормальные условия жизни выходят из равновесия и приводят к заболеванию организма. Врач

называет тот отрезок времени, за который болезнь пациента достигает своего пика и должно решиться, возможно ли выздоровление или достиг ли упадок физических сил такого уровня, который больше не допускает спасения, как время кризиса. То же самое касается и общественных условий и социальных движений. Движение, которое больше не способно развить новые мысли или приспособить свои методы к изменениям общественных условий, оказывается в состоянии кризиса, который, если стагнацию нельзя преодолеть, ведёт к быстрому или медленному упадку жизненных сил, который может закончиться лишь всеобщим упадком.

Неоспоримо, что за последние три десятилетия в либертарном движении проявился определённый умственный застой, что верно подметили ещё Макс Неттлау, Кристиан Корнелиссен, Герберт Рид и некоторые другие. Лишь причину этого временного явления можно легко объяснить, ибо такие великие общественные катастрофы как две мировых войны и появление тоталитарных государств на четырёх континентах едва ли годятся для того, чтобы разъяснить идеи или подталкивать людей к новым мыслям, и могут вести лишь к полному одичанию всех этических понятий и к неопишуемой путанице в мышлении. К этому присоединяется и другое условие, которое нельзя недооценивать. Именно в этот критический период, вызвавший полнейший раздрой всех общественных отношений, как это всегда случается в великих общественных переломах, наше движение потеряло во всех странах почти всех своих лучших представителей, а такие бреши трудно заполнить. В социальных движениях есть внутренние взаимосвязи, заметные каждому, кто ими занимается. В нормальное время там происходит обычное взаимодействие, простирающееся на людей самых разных возрастов. Там и молодёжь с её надеждами и её энтузиазмом; там и люди зрелого возраста, набравшие уже достаточно ценного опыта; там и ветераны, пережившие и боровшиеся в различные фазы движения. Эта взаимосвязь создаёт здоровую и стимулирующую атмосферу, обладающую огромнейшим значением для развития новых умственных сил.

Но молодое поколение, выросшее в период двух мировых войн, а в особенности молодёжь, выросшая в тоталитарных государствах и вообще не имевшая возможности познакомиться с другими мировоззрениями, кроме тех, которые предписываются и санкционируются государством, должно было потерять всяческую связь со старым движением. Потребуется много времени и труда, пока этот пробел постепенно снова будет заполнен. Если принять всё это во внимание, то становится только понятно, что во время тяжелейшего кризиса, который когда-либо наваливался на человечество, духовное развитие всех общественных течений было парализовано, т.к. внезапный перелом насильственно разрушил все внутренние связи.

Тем более тепло нужно приветствовать то, что за последние годы повсюду, а не только в нашем собственном движении, но и во многих других течениях вплоть до самого лагеря социал-демократии, становятся заметными новые мысли и устремления, пытающиеся осмыслить новое положение и найти средства и пути, которые сделали бы возможным новый духовный и общественный подъём. Именно это обнадеживающее явление как раз и не является знаком кризиса, но знаком здоровья, ибо оно прокладывает путь к новым убеждениям, возникшим из проделанного опыта, без которых всякое движение умственно усыхает. Если бы возникновение новых мыслей и возможностей умственного развития действительно было знаком кризиса,

то можно было бы утверждать, что наше движение с самого его возникновения так никогда и не выходило из состояния кризиса, ибо не только само движение, но и анархизм как мировоззрение в своих теориях и методах прошёл чрез множество существенных ступеней развития.

И далее: если бы понятие «кризис» было подходящим для сегодняшнего состояния движения, то можно было бы сказать, что Прудон всю свою жизнь находился в затяжном кризисе, ибо он сменил множество своих ранних убеждений на другие и построил их свои общие умозаключения. И это было совершенно естественным, т.к. каждый мыслящий человек находится в состоянии постоянного развития, т.к. оно никогда не заканчивается. Заканчивается оно лишь у тех, кто больше не способен к новому познанию и уверяют сами себя, что являются последовательными, когда постоянно придерживаются одной и той же точки зрения и проклинают все другие точки зрения, отличные от их. Нет, Прудон не был последовательным человеком, т.к. он понял, что эта странная последовательность устанавливается только там, где замирают мысли и становятся больше неспособными к движению. Мутюэлистский анархизм, развившийся из идей Прудона, пережил позднее целый ряд изменений и сегодня ещё не исчез полностью.

В то время как мутюэлисты придерживались мнения, что всё, что человек не создаёт сам своей деятельностью — как-то земля, земельные ископаемые и т.п., должно принадлежать каждому члену общества, в то время как на инструменты труда и все созданные общественным трудом продукты допустимо право частного владения, в либертарных секциях и федерациях Первого интернационала развилась идея коллективистского анархизма, который хотел не только землю, но и средства производства подчинить управлению производителей и признавал лишь право владения на индивидуальный продукт.

Эта перемена в либертарном движении привела не только ко множеству новых теоретических размышлений, но создала и новые методы практического действия, которые и послужили настоящим поводом для возникновения действительно интернационального движения. Коллективисты обладали целым рядом действительно выдающихся сил, в особенности, в романских странах: Бакунин, Гильом, Швитцгюбель, да Пэпе, Гинс, Варлен, Пинди, Пеллицер, Лоренцо, Сентиньон и многие другие, которые видели в секциях и федерациях Интернационала ячейки грядущего свободного общества, в котором свободные объединения производителей заменят бюрократическую машину политического государства новым управлением экономической и общественной жизни, как это особенно отчётливо прозвучало на четвёртом конгрессе Интернационала в Базеле.

Но и на этом развитие новых идей ни в коем случае не прекратилось. Из коллективистского движения затем развился коммунистический анархизм, который нашёл в Доме Дешампе, Дж. Дж. Мэе и Жозефе Дежаке своих провозвестников и своего самого идейно плодотворного представителя в Кропоткине. Все эти различные фазы идеологического развития сменяли друг друга лишь постепенно и годами давали повод для глубоких споров в свободной прессе всех стран. В Испании, где анархизм довольно рано развился в народное движение, эта борьба мнений между приверженцами коллективистского и коммунистического направлений заняла больше времени, чем в других странах, т.к. первые представители коммунистического

анархизма раскололи движение на мелких автономных групп и хотели полностью отказаться от всякой работы в профсоюзных секциях и федерациях, не в последнюю очередь благодаря которой движение обладало таким влиянием. Эта борьба идей, происходившая, главным образом в таких газетах и журналах как «Acracia» и «El Productor» (коллективисты) и «La Justicia Humana» (коммунисты), и в которой принимала и французский журнал «La Revolté» активное участие, весьма интересна и можно и сегодня многое из неё почерпнуть. Большинство испанских анархистов позже перешли на сторону теорий Кропоткина, но остались верны своим старым организационным формам. Другие, как Рикардо Мелла, самая светлая голова старого испанского движения, всю жизнь оставались убеждёнными коллективистами.

Показательно лишь, что все эти изменения идей от мутюэлистского к коммунистическому анархизму происходили и никому не приходило в голову говорить о кризисе идей или их приверженцев, т.к. было ясно, что новые мысли нельзя рассматривать как проявления кризиса, т.к. они постоянно давали повод новым стимулам поддерживать идеи, а с ними и движения в идейном поиске. Кризисы начинаются лишь там, где идеи окостеневают или застывают и больше не способны к новому развитию. Сегодня это верно так же, как и всегда. Можно верить в догмы и это всегда удобно, но новыми идеями нужно заниматься, т.к. они подталкивают к мышлению и проникнуты духом жизни, который не ведает остановки и никогда не подходит к концу.

Люди и идеи

Мне кажется, я смог показать, что слово «кризис» для разногласий в нашем движении было выбрано неудачно. Но ещё более непонятно мне утверждение тех товарищей, которые считают, что о кризисе анархизма как идеи говорить нельзя, но о кризисе анархистов — вполне. Как это следует понимать? Идеи не парят в воздухе, но выдумываются и развиваются людьми. А выдумать можно всё — и глубочайшую правду и великую глупость. Но ясно одно: что без людей нельзя себе представить и идей. Ни один разумный человек не станет сомневаться в этом факте, неопровержимом как сама жизнь. Но если признать это, то из этого вытекает и другой факт: собственно, что душевное состояние человека оказывает неоспоримое влияние на формирование его идей.

Мыслящий человек, который постоянно пытается улучшить жизнь, никогда не согласится с тем, чтобы выстроить все свои мысли в одну линию и привести в определённые формы, которые не позволяют дальнейшего развития. Он не сделает этого уже потому, что он понимает, что такая бессмысленная попытка приведёт только к застыванию его умственных способностей, так что он больше не был бы способен к внутреннему развитию. Но у людей, которые уже находятся в такого душевного застывания, даже самые лучшие мысли должны стать мёртвыми догмами, о которых больше не исходит живого дыхания.

Поэтому нельзя отделить идеи от их представителей, и каждая такая попытка всегда приведёт к плачевным результатам. Идеи изменяются вместе с людьми и общественными условиями, при которых мы живём. Разделение между людьми и

идеями было мыслимо только тогда, если бы существовали абсолютные идеи, т.е. идеи самодостаточные и настолько совершенные, что они не нуждаются в дальнейшем развитии. Но идеи такого рода, конечно, не могут быть затронуты проблемами времени или каким-либо кризисом. Но таких идей не существует и не может существовать, т.к. человек сам несовершенен и поэтому все его умственные порождения всегда будут оставаться несовершенными. Мы хотя и можем стремиться ко всё большей ясности и совершенству мыслей, но абсолютное совершенство останется для нас недостижимым. Анархизм и идея свободы в целом не являются абсолютными, но относительными идеями, и как таковые они подвержены постоянным изменениям, вызываемым переменами общественных условий и новыми познаниями. Именно анархисты должны понимать это лучше всего и остерегаться возводить искусственные разделения между людьми и идеями, которые, в принципе, могут вылиться лишь в теологические понятия. Факт тот, что теологи всех известных религиозных систем представляли и представляют точку такую зрения, что идеи приходят человеку готовыми с неба и открываются ему либо посредством чуда, либо пророками, на которых снизошёл божий дух. Моисей получил скрижали с законами на горе Синай прямо из рук Иеговы и передал их своему народу как откровение господне. Мохаммед почувствовал во время одного из своих припадков эпилепсии, как дух Аллаха снизошёл к нему и принёс ему необходимое просветление, что сделало его пророком одной из самых крупных мировых религий. Даже Джозеф Смит, основатель мормонства нуждался в ангеле, который указал ему место, где была зарыта книга Мормон, которая была написана на золотых листах на языке и буквами, которых Смит читать не мог. Но провидение позаботилось обо всём и приложило к книге очки, стёкла которых были сделаны из отшлифованных алмазов, так что новый пророк должен был только водрузить их на нос, чтобы запросто перевести священную книгу на английский. К сожалению, книга с золотыми страницами у нас не сохранилась, ибо как только Смит завершил перевод, явился тот же ангел и унёс драгоценное сокровище на небо, откуда оно прибыло. Но «общество последних святых», как называют себя мормоны, сочло это нормальным, придётся с этим смириться и нам.

Метафизические философы вроде Гегеля, научившего своих современников мыслить категориями, пошли ещё дальше. Так, Гегель заявил, что абсолютный дух, который как бог до сотворения, в одиночестве паривший над водами, оделил каждый народ особенной исторической миссией, которая и составляет особенное содержание всей его истории. Это было большим утешением, ибо нам больше не нужно ломать голову над будущим, абсолютный дух позаботился обо всём ещё в самом начале. Английский философ Беркли довёл, в конце концов, идеи абсолютного идеализма до крайности и считал проявления материального мира лишь обманом чувств, который заставляет нас видеть реальность там, где есть только представления. Его идеи о спящем боге, который видит сны, и что проявления материально мира являются лишь элементами его божественного сна, конечно, не могут помочь нам ничем практическим, но они обладают хотя некой поэтической красотой, напроочь отсутствующей у такого сухого и унылого педанта как Гегель.

Во время расцвета теологической мысли и метафизических понятий люди действительно считали, что все идеи приходят с неба и возникают там готовыми к употреблению, пока не найдётся избранная голова, для которой они были предна-

значены, чтобы представить их миру как новое откровение. Но мы, тем временем, поняли, что дело не так просто, что идеи развиваются людьми лишь постепенно и пошагово, и именно по этой причине никогда не являются совершенными. Прудон верно это понял, когда он в одном из своих поздних трудов объяснял, что анархия является прекрасной целью, последней стадии которой мы никогда не достигнем, но которая может служить нам компасом, чтобы мы могли удостовериться, что мы действительно находимся на пути к свободе. А Генрик Ибсен, движимый той же мыслью, писал во время Парижской коммуны Георгу Брандесу:

«Кто обладает свободой иначе, чем тем, чего ещё надо достигнуть, тот обладает мёртвой и бездушной свободой, ибо понятие свободы всё же обладает качеством постоянно расширяться и растягиваться в присвоении, и поэтому, когда некто во время борьбы останавливается и говорит: вот теперь она у меня есть, то этим он подтверждает, что он потерял её. Но именно этот мёртвый способ обладания определённым устоявшимся понятием свободы характерен для существующих государственных объединений, и именно это я и подразумеваю, когда говорю, что в этом нет ничего хорошего».

Это мнение действительно свободного человека, не признающего догмы, т.к. свобода стала для него внутренним переживанием, и который поэтому постоянно находится на пути к свободе, хотя он знает, что на этом пути нет и не может быть конечной цели. В этом и заключается тот секрет, почему революционеры вчерашнего дня так часто становятся реакционерами дня сегодняшнего. После того, как они достигли определённой цели, они считают, что эта цель была последней, и преследуют всякого, кто стремится дальше, с той же фанатической решимостью, с которой их самих раньше преследовали их враги. Таким образом они заново начинают движение в круге слепоты и становятся величайшим препятствием для всякого дальнейшего развития. Абсолютные идеи всегда приводят к деспотизму мышления и затем, когда их представители получают достаточную для этого власть, деспотизму действия. Если бы в этом пункте были бы хоть малейшие сомнения, то тот чудовищный опыт который мы получили с диктатурами и абсолютным попечительством над людьми в тоталитарных государствах, открыли бы глаза и самому слепому. Кто не понял этого сегодня, тот не поймёт этого, вероятно, никогда.

Но если уж хочется увидеть кризис анархизма или кризис анархистов, то нужно искать их там, где их, может быть, действительно можно найти. Поиск новых возможностей развития, приспособленных к новому порядку в мире и новым условиям — уж точно не признак кризиса. Новые мысли и импульсы до сих пор не повредили ни одной идее, напротив, они только помогли прояснению идей и их оплодотворению. Это — единственный способ уберечь идеи и движения от стагнации и сохранить их жизнеспособность.

Но в одном аспекте можно действительно говорить о кризисе движения. Я получаю примерно пятнадцать или двадцать наших газет на разных языках и могу с огорчением установить, что за последние годы в некоторых из этих газет в спорах между товарищами появился тон, который может только отпугнуть и заставляет подумать, что авторы учились не у Прудона, Бакунина или Кропоткина, а у Сталина и пропагандистского комитета Коминтерна. Очень часто такие споры состоят лишь из клеветы и беспочвенных подозрений в отношении товарищей, которые много

лет отдавали свои лучшие силу движению и против характера которых тоже ничего нельзя сказать. Но личные нападки аргументами не являются, т.к. они ничего не доказывают и могут лишь помочь распространению недоверия, горечи и слепой ненависти в наших рядах, что, однако, вызовет кризис, если эта милая привычка найдёт в нашем движении всеобщее применение.

Я не хочу говорить тут о моём собственном опыте и глупостях обо мне, которые выдумали и пустили в оборот предприимчивые люди, которым больше нечем заняться. Если человек 60 лет отдавал движению самое лучшее, на что он был способен, то он может вполне претендовать на то, чтобы его судили по его делам, а не по пустой болтовне безответственных людей. Но я говорю тут за других и против духа нетерпимости, который не уважает иного мнения и пытается подменить глупыми распрями то, чего он сам создать не может. Я считаю, что дискуссию только тогда достигают своей цели, если они происходят под знаком доброй воли и честно пытаются понять другую позицию. Кто подло очерняет честь другого человека, тот доказывает этим лишь то, что ему не достаёт всякого чувства ответственности и он является лишь рабом низменности. Мы не становимся выше, когда унижаем других и беспричинно сомневаемся в честности их мотивов. Людей оскорблять не сложно, а идеи нужно проверять и обдумывать, если мы хотим ими серьёзно заниматься.

Что вообще оправдывает существование анархизма — это тот факт, что он стремится к состоянию общества, где люди больше не подчинены попечительству внешней силы, а регулируют свои дела по своему разумению на основании свободного соглашения, взаимной помощи и солидарной связи. Но от других можно требовать лишь того, чего мы сами создаём своими действиями. И пока мы не в состоянии придерживаться этих элементарных правил в наших рядах, наши слова остаются лишь пустым звуком, не заслуживающим внимания. Лишь тот, кто уважает сам себя, уважает других. Поэтому, любая попытка оклеветать людей потому, что они выступают с идеями, которые не каждому приятны, является не только нападением на свободу мысли, но и открытый отказ от всех принципов, которые мы до сих пор представляли. Я убеждён, что большинство наших товарищей во всех странах разделяет эту позицию.

Но если однажды настанет время, когда так больше не будет, то идея свободы не умрёт, т.к. она является импульсом жизни, но для нашего движения тогда действительно начнётся кризис, который легко может разрастись до смертельного.

Что такое ревизионизм?

Не так давно в нашем итальянском журнале «Volunta» из Неаполя было опубликовано письмо из Аргентины, в котором, среди прочего, говорилось, что все тамошние газеты уже давно выходят лишь нелегально, в то время как газета «Reconstruir», с которой сотрудничают «такие ревизионисты движения как Гастон Леваль, Диего А. де Сантьян, Гельмут Рюдигер, Августин Сухи и Рудольф Рокер», всё ещё выпускается открыто. Я не знаком с автором этого письма и, конечно, не хочу приписывать ему какие-то мотивы, которых у него, может быть, и не было, я так с людьми не поступаю. Но его замечание может быть легко истолковано ошибочно и создать впечатление,

что у аргентинского правительства и в мыслях нет, предъявлять претензии к газете с такими авторами.

Лишь по этой причине я хочу здесь заметить, что я никогда не сотрудничал напрямую с «Reconstruir», не потому, что я что-то имею против этой газеты, которую я очень даже ценю, а просто потому, что у меня столько работы, что я не могу сотрудничать со всеми. По этой и ни по какой иной причине я больше не пишу для «La Protesta», с которой я сотрудничал много лет. Как и многие другие наши газеты, издатели «Reconstruir» переводят мои статьи из других газет, которые им нравятся. Это вполне нормально, ибо для того они и пишутся.

Но я, всё же, считаю, что было бы лучше, что не стоит навязывать хорошим товарищам каких-то имён, которые им ни к чему. Либо все мы товарищи с равными правами, либо нет. Товарищей второго сорта как раз в нашем либертарном движении быть не должно, т.к. такие искусственные различия могут легко накликать беду. Я знаю всех товарищей, которых тут называли ревизионистами, лично, а большинство даже очень хорошо, т.к. я годами работал вместе с ними, и ценю их как честных и способных людей. Все они отдали делу самое лучшее, на что были способны; каждый из них обогатил нашу литературу рядом работ, за которые движению едва ли может быть стыдно.

Слово «ревизионист» само по себе не является таким уж плохим обозначением; даже самое невинное слово часто обладает дурным привкусом, если предположить в нём дурные или двойственные мотивы. Что мы понимаем под ревизионистами или ревизионизмом? Ревизионизм — это стремление изменить актуальное состояние или приспособить его к новым условиям. Применимо к социальным движениям или общественным идеям, ревизионисты — это люди, которые по причине полученного опыта хотят изменить определённые методы или устаревшие мировоззрения, которые больше неприменимы, чтобы быть в состоянии ответить на новую ситуацию, рождённую переменами времени.

Этим словом пользовались раньше относительно редко, оно получило широкое распространение лишь с идеологической борьбой, возникшей в (18)90-х годах в лагере немецкой социал-демократии между приверженцами Эдуарда Бернштейна и правоверными марксистами старой школы и перекинувшейся на партии других стран. Та борьба длилась долго и велась не только в прессе и на собраниях, но занимала и целый ряд национальных и международных конгрессов. Тогда сторонники ортодоксального марксизма переняли слово «ревизионизм» и называли Бернштейна и его соратников ревизионистами; но они придали тогда слову определённый побочный смысл, которым оно изначально вовсе не обладало. Но и это было совершенно естественным, ибо для всех сторонников ортодоксальных идей малейшее отклонение является прегрешением против святого духа и безошибочности убеждений.

Но анархисты должны быть последними, кто будет подражать методам правоверных марксистов. Как далеко можно в этом зайти показывает глупая болтовня в коммунистической прессе и литературе о «правых отклонениях», «левых отклонениях», «отклонениях от чистой линии» и тому подобной ерунды, чудовищная белиберда, которую не понимает никто, кто не владеет этим жаргоном, и которая используется всегда, когда планируется новая ликвидация, которая, конечно, упразднит все аргументы.

Но и самые лучшие идеи могут стать тиранами, если понимать их только буквально и не затрагивать их настоящего духа. Это было тем, что подразумевал Торо, когда писал своё блестящее эссе «Life without principles», ибо он ненавидел все предписания и боролся со всяким попечительством над свободной мыслью. Но такие перлы годятся не для всех, как мне пришлось выяснить, когда один редактор анархистской газеты рецензировал мою книгу в своей газете и поучал меня, как мне следовало бы её написать. Если бы он сказал мне, что книга ни на что не годится и не стоит и краски, которой она напечатана, я бы это вполне понял. Но когда он пожелал, чтобы я думал не свои, а его мысли, это было уже слишком, чего в наших рядах раньше не случалось. Но, может быть, это тоже вид ревизионизма, но не самый лучший.

Если взять слово «ревизионизм» в его изначальном понимании, не придавая ему особенных побочных смыслов, то всякий мыслящий человек является ревизионистом, т.к. он понимает, что мышление нельзя ограничить определёнными границами, если хочется оставаться верным жизни. В этом смысле всегда найдётся что-то для ревизии, именно потому, что человек мыслит и знает, что в жизни ничего не бывает неизменным. С этой стороны, каждый, кто всю свою жизнь упорствует в определённой точке зрения, это человек, у которого ничего для ревизии нет и ему нечем гордиться.

Всё развитие анархистского понимания жизни было и остаётся непрерывной ревизией идей и методов, как я уже объяснял ранее. Ни один мыслящий товарищ не станет клясться каждым словом, когда-либо написанным Годвиным, Прудонем, Бакуниным или Кропоткиным и другими. Это невозможно уже потому, что даже самый великий гений может ошибаться. Нет абсолютной правды и каждый, кто утверждает, что обладает ею, делает себя шарлатаном. Что так тесно связывает нас с нашими предшественниками — это не конкретные представления по тому или иному вопросу, но направление их мысли, указывающее в сторону свободы и стремится к добровольному и солидарному сотрудничеству людей, которое наилучшим способом соответствует их общим интересам. Если мы когда-либо попытаемся привести наше мышление к «чистой линии», то мы отделимся от цели свободы, ибо догма «чистой линии» является логическим результатом авторитарного мышления, и кто заступает на этот путь, всегда угодит в какую-либо деспотичную систему.

Факт тот, что большинство наших идейных предшественников сами пересматривали свои идеи в различных аспектах, когда они понимали, что некоторые их убеждения нуждаются в пересмотре из-за новых открытий или изменения общественных условий. Прудон часто пересматривал свои взгляды по многим вопросам и всегда был достаточно честен, чтобы признать это открыто, т.к. он не считал себя Папой Римским и знал, что не ошибаются и всегда правы только zeloty. Как свободно мыслил Прудон, видно из его ответа Карлу Марксу (письмо от 17-го мая 1846 г.), который привёл к разрыву отношений между ними, и в котором он писал:

«Но – во имя Бога! – давайте сами не думать, что надо заново учить народ, после того, как мы а priori разрушили весь догматизм. Не станем впадать в противоречия вашего соплеменника Мартина Лютера, который после того, как он опроверг учение католической теологии, с удвоенным прилежанием и обильным использованием проклятий и анафем принялся утверждать протестантскую теологию».

Даже Бакунин, принимавший славное участие в двух великих революционных эпохах европейской истории и переживший множество внутренних перемен в своей богатой на события жизни, по конец её понял, что немецко-французская война 1870/71 гг. и основание новой империи при Бисмарке создали новый порядок в Европе, который требовал новых ответных средств и путей. Так писал он своему старому другу Огареву 11-го ноября 1874 г. из Лугано:

«Я, старый друг, тоже распростился и, в этот раз, окончательно со всякой практической деятельностью и всеми связями с практическими предприятиями. Во-первых, так как сегодняшнее положение для подобных предприятий решительно не подходит. Бисмаркианство, то есть милитаризм, полицейщина и финансовые монополии, объединённые в одну систему, носящую имя новой государственности, побеждают повсюду. Может быть, пройдут десять ил пятнадцать лет, в которые это могучее и научное отрицание всего человечества будет победоносным. Я не говорю, что сегодня нечего делать, но это новое решение требует новых методов, главное же — свежих сил, я же чувствую, что я для новой борьбы не гоюсь и посему увольняюсь...»

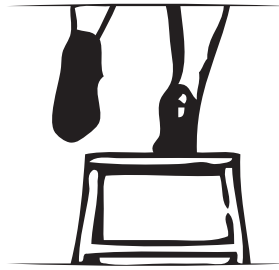
Тяжело больной Бакунин никогда не был помешанным на своих идеях, но он понимал, что новый порядок требовал новых методов, приспособленных к новым условиям. Он понимал, что великие исторические события должны оцениваться с более широкой позиции, чем с позиции одного определённого движения. Прудон, Кропоткин, Неттлау, Фаббри, Ландауэр, как и все наилучшие мыслители нашего движения, всегда поступали так, т.к. верно понимали, что и самое сильное социальное движение всегда является лишь частью общей общественной жизни и должны поэтому оценивать великие исторические события только в связи со всем их социальным окружением, если нужно их постичь. Если мы этого не делаем, то дела наши как у знаменитой мухи из басни, которая села на нос сфинкса и не могла поэтому разглядеть его лицо, т.к. ей не хватало перспективы.

Кропоткин ясно объяснил в предисловии к русскому изданию своей книги «Les Paroles d'un Revolté» («Речи бунтовщика»), почему различные его прогнозы, которые он сделал в первом французском издании (1888), не сбылись, т.к. тем временем в общем социально-политическом климате Европы произошли изменения, которые никто не мог предвидеть в их полноте. т.е. он пересмотрел свою позицию, которую он занимал тогда вместе с многими из нас.

Другим ревизионистом был Саверио Мерлино, одна из самых светлых голов нашего движения в Италии, когда он в 1892-м издал свою книгу «Necessite et bases d'une entente» («Необходимость и основание взаимопонимания»), которая была тогда переведена на многие языки и о которой ещё пойдёт речь в последующих статьях. Ревизионистов в самом лучшем смысле этого слова был и Макс Неттлау, вечный еретик против всех «чистых линий», как он сам себя называл, о котором я подробно рассказывал в моей испанской книге «Max Nattlau el Herodoto de la Anarquia». Такими же ревизионистскими еретиками были и Таррида дель Мармол, Густав Ландауэр, Кристиан Корнилиссен и многие другие, как и сегодня, кроме уже упомянутых ранее товарищей, Альберт Йенсен, Фриц Линов и Герберт Рид – последний особенно в его размышлениях о вере в чудодейственную силу революции, которую ещё Неттлау называл мессианской верой, противоречащей всем принципам анархизма.

Декарту принадлежит высказывание «я думаю, следовательно — я существую», он сделал его столпом своей философии. Но человек мыслит, лишь когда он восприимчив к изменениям и ищет новых смыслов в жизни. Но если он постоянно думает оно и то же, то он не думает, а просто повторяется, т.е. – умственно мёртв. Именно по этой причине нужно было бы прекратить называть товарищей словом «ревизионист» и другими словами, под которыми можно понимать всё возможное и невозможное, и начинать заниматься их идеями. Это не только более по-товарищески, но и поддерживает ум в форме и не даёт ему заплесневеть.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Рудольф Роккер
Открытым текстом
1949-1953

Скопировано 23 декабря 2014 года с
<http://nihilist.li/2013/10/08/rudol-f-roker-otkry-ty-m-tekstom/>
(Aufsatzsammlung Band 2, 1949-1953) Перевод с немецкого: Ndejra

ru.theanarchistlibrary.org